

О влиянии бальных платьев на революционные настроения

Ком. правда. — 1992.
30 окт.

**У НАС НЕМНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ
МОД. И У НАС ИХ
ХОРОШО ЗНАЮТ,
НО ПЛОХО —
ЗА ГРАНИЦЕЙ.
ЛЕЙЛУ БРЮН
ХОРОШО ЗНАЮТ
ЗА ГРАНИЦЕЙ —
И ПЛОХО У НАС.**



Эскизы ее костюмов продавались «на ура» в «Галлери Лафайетт» в Париже, о ней рассказывают самые популярные в мире моды журналы «Вог» и «Харперс Базар», потому что Лейла Брюн перешагнула провинциально-местечковый барьер и, как заметил помощник Пьера Кардена, делает супермоду. А сам Карден считает ее художником с большим вкусом. Но в то время, когда другие наши модельеры поглядывали на западные образцы, Лейла Брюн вглядывалась в народный костюм — и «копала» там.

— То, что сейчас творится, — ужасно. Моду диктуют коммерческие магазины.

И мода сегодня замещается пародией — стихийной и самоуправляемой, превращаясь в худший вариант «уличной моды». У нее — дурной вкус. А я считаю, что мода должна вдохновляться работами крупных модельеров, а не коммерческими магазинами, которые захламлены продукцией, за границей не имеющей спроса и у нас диктующей погоду.

— Культура одежды еще больше упала. От бедности?

— От безысходности. У людей потерял идеал, это сказалось и на моде.

— Итак, моду диктует коммерческий магазин. Как быть модельеру? Модельер не существует без обратной связи...

— У моды короткий век, ее нельзя складывать в ящик стола. В СССР невозможно было иметь свой салон, свой дом моделей. Я была в профессиональном тупике, так как авторской моды у нас не существовало. Но я этот тупик сделала для себя выходом.

— То есть?

— Я открыла в журналах рубрику, посвященную моде и традиции. Чтобы все богатство фольклорного искусства стало всеобщим достоянием, проецируя на современную моду... Я первая обратилась к теме «Христианство в моде» с позиций сегодняшнего дня и совершенно неожиданно для себя увидела эту тему в суперсовременном, космогоническом варианте.

— Вы религиозный человек?

— Официально — нет, но в Бога я верю. Есть какие-то нравственные устои — в нашей семье они всегда были.

— Ваша семья?

— Я родилась в самом красивом городе — Тбилиси. С пяти лет училась в хореографическом училище, музыкальной школе и художественном кружке Дома пионеров, где преподавали известные художники.

Отец пришел с войны инвалидом. У нашей семьи чуть ли не у единственной в городе был свой кинопроекторный аппарат. Отец приносил фильмы, которые были в тбилисском фильмофонде, домой — смотреть.

Мама работала на киностудии «Грузия-фильм». И я все свободное время проводила на киностудии. Тогда Тенгиз Абуладзе снимал фильм «Чужие дети». Эрлом Ахвледиани писал восхитительные сказки. Я слышала их споры, обсуждения. Хотелось быть хоть как-то причастной к тому, что они делали. В пятнадцать лет я уже самостоятельно делала раскадровку к фильмам. На киностудии была моя первая персональная выставка. Отар Иоселиани сказал, что мне надо ехать учиться в Москву. И я поехала.

Летом я приезжала к своему дядюшке в высокогорный район Грузии. Он был образованнейший человек, знал несколько языков, а работал ветврачом. Дядя брал меня с собой на отдаленные овечьи пастбища, мы добирались верхом на лошадях. И первой темой в рубрике «национальный костюм» была, естественно, тема Грузии, Хевсурети.

Но вот рубрики «Костюмы народов СССР» больше не будет. Дело не только в том, что СССР уже нет. Культура в условиях рынка нуждается в поддержке. Красота не возникает сама по себе. Художник-модельер должен уметь заглянуть в будущее, представить

себе стиль жизни и в нем человека завтрашнего дня, понять, какой образ жизни он будет проповедовать. И только здесь уже подключается бизнес...

— У наших модельеров есть перспектива быть конкурентоспособными на мировом рынке?

— Сейчас это трудно, как никогда. И трудность в том, что нас хорошо учили истории костюма, но, для того чтобы быть «на уровне», нужно постоянно совершенствоваться достигнутый профессионализм, получать информацию.

Международная высшая школа искусств и техники моды в Париже («Эсмод») имеет филиалы в нескольких странах. Каждые полгода туда отправляется преподаватель с лекцией, скажем, на тему «Линия плеча и крой в перспективных коллекциях».

— Как о вас узнали на Западе?

— После моего участия в Международной выставке в Монреале редакции западных журналов заинтересовались моими работами и стали приглашать к сотрудничеству. И вот уже 20 с лишним лет я веду свою рубрику в различных изданиях. Пригласили меня и в один наш журнал, который печатался во многих странах мира. «А в русском издании, — спрашиваю, — это тоже будет?» Так хотелось, чтобы мама моя хоть раз прочитала мою рубрику.

А главный редактор в ответ: «Лейла, вы же у нас «на экспорте»».

— А почему вы не уехали?

— У меня три мужика:

— До этого далеко. Тогда, в Париже, организаторы с советской стороны объявили, что работы не продаются, и потребовали их вернуть. Правда, кое-кто из покупателей наотрез отказался это сделать.

— Как одеваются в Париже?

— Париж — работающий город, и улица одета скромно. Но в одежде француженки вы обнаружите меру, вкус, «ничего слишком». А в Америке доминирует практицизм. Америка спешит.

— Особенности работы на Западе?

— Если в тебе заинтересована западная фирма, галерея, то все технические проблемы они возьмут на себя. Только работай. Кроме того, художнику-модельеру могут дать конфиденциальную информацию о перспективах в моде. Я даже давала обязательство о ее неразглашении, никому не показывать, не публиковать, не тиражировать.

— Ваша работа в «Вог»?

— Это богато иллюстрированный журнал, принадлежащий международной группе. Он демонстрирует модели больших домов и дорогого готового платья, рассказывает о жизни высшего света, об искусстве. Фотомодели у них великолепные. Я делала для них темы по национальным мотивам тех регионов, где распространяется журнал, тему авангарда, основанную на искусстве наших 20-х годов.

— Ваше кредо?

— «Что раздашь — твое, что скроешь — то потеряно навек». Это Шота Руставели.

— Ваша деятельность ограничивается только модой?

— Я могу и фильм сделать. Сказать какой?

— Сказать.

— «Месть кота Леопольда». Первая серия была моя. Еще я занималась и книжной графикой.

— Что вам нравится в коллекциях Кардена?

— Стиль. Энергия линий. Динамика внутри силуэта. Мода меняется — стиль нет. В этом весь фокус.

— Как вы сами одеваетесь?

— В зависимости от того, куда иду. Люблю просто одеться, люблю экстравагантно.

— Что вы подразумеваете под экстравагантностью?

— Любый костюм предполагает и свою динамику, свою пластику. Это как маленький



муж, сын и кот. Куда я от них убегу? Здесь мои корни. Отталкиваясь от пустоты, никуда не придеши.

— Чем вас поражает сегодняшнее время?

— Многие не хотят жить в настоящем. Взгляд повернут в прошлое, ищут опору там. Человек, работающий в области моды, это очень остро чувствует. Возьмите события на Кавказе. Такое отбрасывает культуру назад, в древность.

— Как быть в наше трудное время?

— В истории были случаи, когда мода в своих поисках обращалась к тому, что уже раньше существовало. И это был один адрес — народный костюм. Это защитная реакция, чтоб не разрушить себя.

— Какова реакция на ваши выставки за границей?

— У меня была выставка в Париже, на Монмартре, о чем мечтает каждый художник. Я жила в гостинице вблизи улочки, где когда-то жил Модильяни, где заведывающим кабак был Хемингуэй. Выставка была устроена школой «Эсмод» и магазином «Галлери Лафайетт». Пока я давала интервью для Пятого канала французского ТВ, все мои работы были проданы.

— Вы — миллионерша?

театр внутри тебя, он и настрой дает.

— Какой совет вы дадите женщинам, которые хотят модно одеваться?

— Не надо непременно преследовать эту цель — быть модной. Чувствовать себя удобно, элегантно, верить в собственный вкус, не гоняться за модным цветом, если он не идет вам. Любая мода для того, чтобы показать возможности своей красоты и в какой-то мере свою независимость от нее.

— Какой тип женщины вам больше всего нравится?

— Я вижу женщину героиней, ее взгляд, поворот головы — все не случайно. При этом она моя современница. Только увидев ее, создаю костюм. Как-то директор Института моды в Париже, посмотрев мои работы, задала вопрос: «Мадам, какая из этих работ последняя?» Я удивилась. А потом поняла. Это прозвучало как комплимент. Те работы, которые я делала 5—10 лет назад, смотрелись современно!

— О чем вы мечтаете?

— Чтобы в России вышел мой альбом.

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА,
Фото А. АБАЗЫ.